

Влад Ильинский

18+

ОСТАНОВКА

— ПО ТРЕБОВАНИЮ —

Влад Ильинский

Остановка по требованию

<https://litres.ru/74374169>

ISBN 9785007092579

Аннотация

Однажды ночью писатель вспоминает лицо незнакомой девушки, которую сорок лет назад видел лишь несколько секунд из окна одесского трамвая — на фотографии старого надгробия. Попытка узнать, кем она была, превращается в путешествие по собственной памяти и заставляет по-новому взглянуть на время, жизнь и всё то, что мы так часто откладываем на потом.

Остановка по требованию

Влад Ильинский

© Влад Ильинский, 2026

ISBN 978-5-0070-9257-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он проснулся внезапно, будто от негромкого оклика. Несколько секунд лежал неподвижно, вслушиваясь в темноту. В квартире царила тишина — лишь мерно тикали часы в гостиной да изредка доносился далёкий шум ночной улицы. Рядом спокойно спала жена. В тусклом зеленоватом свете электронного будильника её лицо казалось совсем юным — почти таким же, как в их первую встречу много лет назад. Он осторожно, чтобы не разбудить, поправил край одеяла.

Сон окончательно ушёл. В последнее время это случалось всё чаще: он просыпался то в три, то в четыре часа и просто лежал, глядя в темноту. С возрастом сон будто стал короче, а ночи — длиннее. Экран у изголовья высветил «03:17».

«Опять...» — промелькнуло в голове.

Вставать не хотелось, но считать минуты в темноте было ещё мучительнее. Он спустил ноги с кровати, надел тапоч-

ки и, накинув кофту, оставленную на стуле, бесшумно выскользнул из спальни. Дверь притворил так тихо, что даже сам не услышал щелчка. За годы брака он научился передвигаться по дому как тень.

Коридор встретил ночной прохладой и едва уловимым запахом старого паркета. На кухне он не стал включать верхний свет — хватило блёклой подсветки от вытяжки. На столе сиротливо лежала почти пустая пачка сигарет. Он машинально достал одну и зажал между пальцами. Это давно уже было не тягой к табаку, а ночным ритуалом: дойти до кухни, открыть окно, закурить и постоять несколько минут, глядя на спящий город, прежде чем снова лечь.

Щёлкнул зажигалкой. Язычок пламени на миг высветил сетку морщин у глаз, серебристую щетину, усталое лицо. Он глубоко затянулся и выдохнул дым в открытое окно.

Двор был пуст. Одинокий фонарь отбрасывал жёлтый круг на мокрый после дождя асфальт. Где-то на проспекте прожужжал запоздалый автомобиль.

И вдруг он замер. Рука с сигаретой застыла у самых губ. В памяти совершенно отчётливо возник женский образ — не наваяние, не отголосок забытого сна и не кадр из фильма. Это было воспоминание — резкое, живое, будто они расста-

лись только что.

Он нахмурился, пытаясь разобраться в себе. Лицо показалось незнакомым. И всё же внутри росло странное, пугающее осознание: он знал эту девушку целую вечность. Он продолжал всматриваться в темноту за окном, но образ не исчезал. Правильные черты, тёмные волосы, спокойный, чуть печальный взгляд, слабая улыбка.

Он медленно прикрыл веки. «Кто же ты?..»

Обычно память его не подводила. За годы работы он научился удерживать в голове сотни лиц, интонаций и мимолётных встреч. Порой хватало случайного жеста, чтобы воскресить в сознании человека из далёкого прошлого. Но сейчас память словно издевалась над ним: он точно видел это лицо, но не мог вспомнить где.

Он попытался рассуждать хладнокровно. Актриса? Нет, он равнодушен к кинематографу. Коллега? Школьная учительница? Соседка? Первая любовь? Ни одна догадка не задерживалась дольше секунды. Оставалось лишь стойкое ощущение странной, необъяснимой близости — будто этот человек долгое время безмолвно присутствовал в его жизни.

Он затушил окурок и тут же, поддавшись необъяснимой тревоге, достал следующую сигарету. Пальцы заметно дрожали.

«Откуда я тебя знаю?..»

Он оставил попытки разглядеть черты. Иногда память возвращается не через зрение, а через другие чувства — через запахи, звуки, свет. Он закрыл глаза — и в уши тут же ударил металлический визг колёс, протяжный трамвайный звонок. Он ощутил размеренное покачивание вагона, горячий ветер, бьющий в лицо из открытого окна. В воздухе поплыли густые запахи раскалённого железа, разогретого дерева и летней пыли. Ладонь явственно почувствовала прохладу трубчатого поручня. Короткий рывок на стыке рельсов.

Трамвай.

Ну конечно, трамвай. Жаркое, плавящееся от зноя одесское лето.

Одесса.

Это слово всплыло легко, будто всё время стояло на пороге и ждало команды войти. Одесса. Ему снова двенадцать лет. За окном вагона неторопливо тянутся знакомые городские окраины, а потом начинается невысокая каменная ограда. Уходят в небо вершины кипарисов, мелькают белые кресты... Кладбище.

Он резко распахнул глаза. Сердце ухнуло вниз и забилось так тяжело, что удары отдавались в ушах. Не просто кладбище — старое католическое кладбище. И в этот миг мозаика наконец сложилась. Он никогда не видел эту девушку живой. Он знал лишь её лицо — чёрно-белый фотоовал на гранитном надгробии, мимо которого в детстве часто проезжал на третьем трамвае.

Он ещё долго стоял неподвижно. Серый столбик пепла на конце сигареты вырос, потерял устойчивость и беззвучно осыпался на подоконник. Он этого даже не заметил. Перед глазами навязчиво стоял овальный портрет на чёрном граните. Теперь сомнений не осталось: память не сыграла с ним злую шутку — это воспоминание было подлинным. Просто почти сорок лет оно лежало так глубоко, что он перестал верить в его существование.

Экран телефона показал половину пятого. Возвращаться в постель не имело смысла — вот-вот начнёт светать. Он машинально вытряхнул из пачки ещё одну сигарету и вдруг понял, что совершенно не помнит, как и когда истлела предыдущая. Подобная рассеянность была ему несвойственна.

За окном неохотно, полоса за полосой, светлело. Ночь сдавала позиции утру. Вдыхая сырой предрассветный воз-

дух, он ощутил странное, почти юношеское волнение. Будто там, на другом конце его жизни, кто-то очень осторожно приоткрыл дверь, о существовании которой он давно забыл.

Третий трамвай привычно дребезжал на стыках рельсов. Горячий ветер свободно гулял по вагону, врываясь в открытые окна и лениво шевеля волосы пассажиров. Солнечные блики скользили по металлическим поручням, вспыхивали на стекле и исчезали, когда вагон уходил в тень старых платанов.

Ему было двенадцать лет. Он всегда старался сесть у окна. Если свободных мест не оставалось, терпеливо ждал, пока кто-нибудь выйдет. Смотреть на город было куда интереснее, чем разглядывать спины пассажиров. За окном Одесса никогда не повторялась: один двор сменялся другим, узкие улочки неожиданно выводили к широким проспектам, на балконах сушилось бельё, у киосков с газированной водой стояли очереди, а старики сидели на скамейках, обсуждая что-то своё.

Иногда ему казалось, что трамвай знает город лучше любого человека. Этот старый вагон помнил каждую выбоину в рельсах: перед одним перекрёстком всегда слегка притор-

маживал, после другого — весело разгонялся. На одном повороте жалобно поскрипывал, на другом резко кренился, заставляя пассажиров хвататься за поручни.

Он давно выучил маршрут наизусть. Знал, где мелькнёт в окне море, где пожилая кондукторша обязательно скажет что-нибудь водителю через открытую дверь, где в вагон войдут торговки с тяжёлыми сумками, на какой остановке всегда будет пахнуть свежим хлебом. И где начнётся длинная каменная ограда старого католического кладбища.

Он не боялся кладбищ — во всяком случае, ему так казалось. Когда трамвай проезжал мимо, он иногда пытался рассмотреть памятники между кипарисами. Они стояли далеко друг от друга, словно люди, давно переставшие разговаривать. Большинство были серыми, некоторые — белыми. Одни совсем покосились, другие казались почти новыми. Трамвай проходил этот участок быстро, и через несколько минут за окном снова начинались дома, деревья и обычная городская жизнь.

Так было всегда. Но однажды всё изменилось. Он не смог бы объяснить почему. Просто в тот день, когда трамвай привычно поравнялся с кладбищем, взгляд сам собой остановился на одном из памятников.

Сначала он увидел не лицо, а свет. Солнце скользнуло по чёрному полированному граниту, и на мгновение камень словно вспыхнул. А потом он увидел её.

Фотография была овальной, совсем небольшой. Из окна трамвая она казалась не крупнее почтовой открытки, но почему-то выделялась среди других. Может быть, потому, что гранит вокруг неё был чёрным. Может быть, потому, что солнечный луч лёг именно туда. А может, потому, что иногда судьбе достаточно одного взгляда.

Он успел разглядеть аккуратно уложенные тёмные волосы, спокойные глаза и улыбку — такую лёгкую, что потом ещё много лет он не мог понять, существовала ли она на самом деле или её дорисовала память. В следующее мгновение памятник скрылся за кипарисом. Кто-то попросил передать билет к компостеру, кондуктор громко объявила остановку. Мир вокруг мгновенно вернулся в прежнее русло. Только мальчик ещё долго оборачивался назад, туда, где остался памятник, будто надеясь увидеть лицо девушки снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.